

Он жил здесь уже несколько месяцев, и те красные щёки, которые появились у него на родине из-за мороза, исчезли, маленькие раны на теле тоже зажили, остались только старые шрамы. Но он всё ещё был довольно смуглым, в отличие от Тао Хуайнаня, который был белым, как фарфор.

— Отправить тебя с Сяонанем в школу для слепых, в принципе, неправильно. В школах для слепых учатся дети с проблемами зрения, а у тебя их нет.

Чи Ку не поднял головы, слушал без реакции.

— У Сяонаня проблемы с глазами, помоги брату присмотреть за ним год, — сказал Тао Сяодун, глядя на него. — Когда он сможет жить самостоятельно и привыкнет к школе, я переведу тебя, куда нужно, не буду держать тебя там вечно, не стану тебя задерживать.

Чи Ку был старше Тао Хуайнаня на полгода, скоро ему исполнится девять лет. Как бы Тао Сяодун ни говорил, что не будет его задерживать, к тому моменту, когда он переведёт его, тому будет уже десять. Тао Сяодун сам чувствовал себя неловко, понимая, что поступает нечестно по отношению к ребёнку.

Это было не совсем правильно, но у него не было другого выхода — отпустить Тао Хуайнаня одного в школу для слепых на пять дней в неделю было невозможно.

Чи Ку, похоже, не понял, только кивнул. Шрам на затылке, оставшийся после удара отца, уже зажил, но из-за коротких волос его было видно.

Тао Сяодун поднял руку, погладил его по голове и слегка потряс.

Тао Хуайнань не особо сопротивлялся идее пойти в школу, он просто скучал по брату и Дедушке Ши.

Золотистый ретривер спокойно сидел рядом с ним. Тао Хуайнань обнял его за шею, рука скользила по спине. Собака медленно вильнула хвостом, шерсть хвоста коснулась ступней Тао Хуайнаня.

Тао Хуайнань пошевелил пальцами ног и сказал:

— А что ты будешь делать, когда я уйду в школу?

Собака легла, положив голову на ногу ребёнка.

— Когда я уйду в школу, тётя не будет приходить, что ты будешь делать? — Тао Хуайнань замолчал на мгновение, потом добавил:

— Тянь И заберёт тебя?

Собака слегка подняла голову и легонько укусила край штанов Тао Хуайнаня.

Ребёнок и собака сидели на диване, время будто замедлилось, вечерний свет мягко освещал комнату, картина была тёплой, но одинокой.

Дома Тао Хуайнань разговаривал с собакой, но не с Чи Ку, потому что тот молчал и не обращал на него внимания. Они давно не разговаривали, не были друзьями или товарищами.

Тао Хуайнань даже немного его недолюбливал.

Чи Ку был таким же, как и все дети, которых он встречал, — никто не хотел разговаривать с маленьким слепым мальчиком, все его боялись.

Когда брата не было дома вечером, Тао Хуайнань брал своё одеяльце и шёл к Чи Ку, тот отодвигался. Тао Хуайнань, ощупывая, залезал на кровать с конца и поворачивался лицом к стене.

Через несколько дней они должны были пойти в школу вместе, и хотя Тао Хуайнань никогда не говорил об этом вслух, он боялся. Новая среда, много незнакомых людей, много дней без брата.

Чи Ку тоже повернулся к нему спиной, Тао Хуайнань услышал это.

Тао Хуайнань уткнулся лицом в подушку, его круглые глаза закрылись, веки дрожали. Он достал руку из-под одеяла и слегка протёр глаза.

Перед сном его накрыли плохие эмоции, он ворочался всю ночь, а утром всё забыл.

Проснувшись, он обнаружил, что одна нога лежит на Чи Ку, голова далеко от подушки, спал он беспорядочно. Он потер глаза, чувствуя зуд.

Чи Ку тоже проснулся, убрал ногу — она давила на него, было больно.

Тао Хуайнань ещё не полностью проснулся и, почувствовав, что его оттолкнули, вспомнил, что Чи Ку всегда его игнорирует, надул губы и убрал ногу, слишком резко ударившись о стену. Звук был громким, и он чуть не заплакал от боли.

Чи Ку услышал звук, повернулся и увидел, что Тао Хуайнань, сжав губы, отползает к концу кровати, сползает вниз и уходит, весь его вид выражал недовольство.

Чи Ку сел, выглянул и увидел, что Тао Хуайнань босиком подошёл к дивану, где лежал Дедушка Ши, присел рядом и что-то бормотал.

Тётя готовила на кухне, запах жареных яиц доносился оттуда. Тао Хуайнань повернул голову в ту сторону, сел на диван и потер свою ногу.

Тао Сяодун вернулся, когда Тао Хуайнань ещё не закончил есть, вокруг тарелки было рассыпано много риса, тётя собиралась его покормить.

Дверь открылась, Тао Хуайнань положил ложку и радостно воскликнул:

— Брат вернулся?

Ложка была в тарелке, он отпустил её, и полложки риса рассыпалось вокруг. Тао Сяодун ответил и сказал тёте:

— Не кормите его, пусть ест сам.

Тётя улыбнулась, вытерла руки о фартук:

— Иногда просто не терпится.

Тао Сяодун сказал:

— Ничего страшного.

Чи Ку уже поел и сидел на своей кровати, не выходил. Тао Сяодун, помыв руки, посмотрел на него из двери, затем подошёл и сел рядом с Тао Хуайнанем.

Тао Хуайнань услышал, как он остановился у двери Чи Ку, и надул губы.

Тао Сяодун сел, и Тао Хуайнань положил ногу на него, показав ступню.

След от удара уже исчез. Тао Сяодун не понял, что он хочет, и хлопнул его:

— Ешь нормально.

— Больно, — Тао Хуайнань пошевелил лодыжкой, показывая косточку.

Тао Сяодун наклонился, внимательно посмотрел, положил руку на лодыжку и помассировал:

— Ты подвернул ногу?

Тао Хуайнань наконец нашёл, кому рассказать о своих чувствах, и пожаловался брату:

— Чи Ку меня толкнул.

— Правда? — Тао Сяодун ответил рассеянно, не придавая этому значения, подтолкнул тарелку, чтобы тот продолжал есть.

— Правда, — повторил Тао Хуайнань. — Он меня толкнул.

Тао Сяодун спросил:

— Он толкнул тебя, и ты ударился? Вы поссорились? Может, я тоже его толкну, чтобы он ударился?

— Эй! — Тао Хуайнань бросил ложку и схватил брата за руку, поспешно сказав:

— Брат, зачем...

— Он тебя не толкал? — Тао Сяодун сделал вид, что хочет встать.

Тао Хуайнань крепко держал его и тихо сказал:

— Я сам ударился, он не толкал...

Только тогда Тао Сяодун засмеялся, щёлкнул Тао Хуайнаня по лбу:

— Тогда зачем ты жалуешься?

Тао Хуайнань вообще не был ребёнком, который любит жаловаться. Это просто его детские эмоции накопились, и, когда вернулся самый близкий человек, он захотел, чтобы его утешили, немного покапризничал, но не хотел, чтобы брат что-то сделал с Чи Ку.

Поэтому, когда брат сказал, что пойдёт к Чи Ку, он испугался. Как бы они ни ладили, Тао Хуайнань не стал бы врать на него, это было бы слишком плохо.

Тао Хуайнань чувствовал себя смущённым и немного виноватым. Его настроение было плохим с прошлого вечера, теперь он медленно ел, чувствуя себя обиженным.

Чи Ку всё время оставался в комнате. Тао Сяодун принял душ, вышел и прилёг на его кровать. Через некоторое время Тао Хуайнань сам подошёл, за ним следовал Дедушка Ши.

Тао Хуайнань, ощупывая, поднялся по ноге брата, забрался на кровать и прижался к нему. Дедушка Ши лёг на пол у кровати, хвост коснулся ноги Чи Ку, и тот отодвинулся.

— Не деритесь в школе, — сказал им Тао Сяодун.

Тао Хуайнань уткнулся лицом в брата, чувство вины и обиды ещё не прошло, он не хотел говорить.

Чи Ку, как всегда, молчал. Если бы не слышали, как он говорит, можно было бы подумать, что у него проблемы с речью. Тао Сяодун коленом ткнул его в спину, Чи Ку обернулся.

Тао Сяодун, улыбаясь, спросил:

— Поможешь брату присмотреть за этим маленьким занудой? Он, конечно, надоедливый, но он наш, что поделать.

Тао Хуайнань широко раскрыл глаза, повернулся в сторону брата, крайне удивлённый.

Чи Ку посмотрел на Тао Сяодун, на Тао Хуайнаня и, не выражая эмоций, кивнул.

Тао Сяодун был в домашних шортах, его колено упиралось в спину Чи Ку. В его глазах была улыбка. До этого Чи Ку почти не видел такого выражения на лицах взрослых — все, кто смотрел на него, либо ненавидели, либо жалели. Поза тоже была немного расслабленной и близкой. Чи Ку застыл, не двигаясь.

В день, когда они пошли в школу, Тао Хуайнань всё же заплакал.

Оба ребёнка несли рюкзаки, в каждом был маленький телефон. Тао Сяодун сказал им звонить, если что-то случится.

<http://bllate.org/book/16228/1458012>